

Выводы. Анализ конституционного понятия «многонациональный народ» позволяет заключить: а) смысл этого понятия в той его части, в какой конституционное понятие должно быть элементом общероссийской идентичности, в действующей Конституции России не оформлен, а само понятие «многонациональный народ» не определено; это открывает его в качестве элемента уязвимости на фоне растущих рисков внешних смысловых интервенций, которые несет с собой глобальное информационное общество; б) в ситуации глобального концептуально-информационного плюрализма целесообразно «включить» у Конституции России миссию защиты смыслов понятий, определяющих ключевые цивилизационные особенности ее общественно-политического устройства. В этом видится тот подход, в свете которого стоит вести обсуждение вопросов о совершенствовании Конституции. В частности, целесообразно обсуждение вопроса о внесении в текст определения понятия «многонациональный народ»; в) для интеграции в структуру российской идентичности надо, чтобы обычное знание ключевых смыслов понятия «многонациональный народ» смещалось в сторону мировоззренческого и публичного их восприятия, в сторону их интеграции в структуру имени отечественного социального субъекта гражданского общества. Обеспечить такой транзит смыслов применительно к отечественной Конституции способна, прежде всего, отечественная социальная философия. Поэтому вполне актуально также и обсуждение решений вопроса об усилении и развитии кафедр отечественной социальной философии в вузах России.

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского национального исследовательского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

С цифровыми технологиями — в бесчеловечное будущее

Негативно относясь к теории и практике цифровизации, слышу сразу несколько упреков в свой адрес. Чаще всего оппоненты начинают с подковырки: «критикуешь, отрицаешь, а сам без компьютера — никуда». Возразить, однако, есть чем. Главный аргумент: уберите компьютер, что ж — я не понесу существенных потерь. Этим агрегатом, в некотором смысле действительно удобным (но какова цена удобств?), пользуюсь в трех функциях: как пишущей машинкой, как библиотекой, как почтой. Не будет компьютера, вернусь к старым средствам печати и рукописному труду (от которого не уйду и сегодня), к традиционным формам работы с библиотечной и почтовой институтами. Потрачу, разумеется, какое-то дополнительное время. При этом не факт, что потеряю его. Оно уйдет на осмысление того, до чего не добраться в спешке, которую подстегивают инновационные технологии. И наоборот, экономия времени за счет дигитального инструментария отнюдь не гарантирует качественных содержательных сдвигов в жизни и ее понимании. Одна история, когда неспешность во вспомогательных операциях подчинена общему ритму деятельности — не обязательно замедленному, но точно несуетливому. И совсем другой расклад, когда нагнетание темпа в операциях вспоможения подчиняет себе и нормирует характер основных и всех наших действий теоретического и практического плана. В последнем случае велика вероятность бесконечного тупика — интенсификации усилий по тиражированию стандартизированного ширпотреба. Неважно, об интеллектуальной или иной продукции идет речь.

Трагикомичность нынешней ситуации в том, что вопрос, куда и зачем спешим, остается без внятного ответа. За исключением откровений трансгуманистов, которые отношу к разряду сциентистского бреда, получающего, увы, вполне осязаемое воплощение и всяческую поддержку со стороны тоталитаристски ориентированных политиков и возжелавших бессмертия олигархов (бессмертия уже не физического, а физико-технического). Тому же, кто, сопротивляясь по мере сил бесчеловечным инновациям, пытается остаться в границах гуманности и биосоциальности, поспешность ни к чему: она в одном поведенческом ряду с поверхностным и безосновным. Да и сопротивляющийся сталкивается, конечно, с задачами, требующими быстрого, порой моментального разрешения, но это задачи по сохранению (себя, кого-то или чего-то), а не по изменению. Развитие как синтез сохранения и преодоления ни скоропалительности, ни фетишизации будущего также

не благоволит. «И жить торопится, и чувствовать спешит!» — это ведь не о том, не о прельщении предстоящим и не о маниакальном стремлении к нему. Нет, это гимн настоящему, долгожданному и состоявшемуся, а не лихорадочно ожидаемому. Тут — желание до капли исчерпать событийный миг, который, будучи мигом, и выпадает из временной изменчивости, и остается в ней (он все-таки преходящ). Тут, как у поэта, радость от первого снега, убравшего из чувств промозглость осени; и счастье от встречи с обворожительной женщиной, которая реально, не виртуально сейчас рядом с тобой. А завтра... то ли оттепель, то ли слякоть... и расставание.

Вновь к прозе IT-технологий с их навязчивой услужливостью и шаблонными посулами касательно ускорения процессов передачи и получения информации. Заметьте, нам предлагают нечто уже готовое, кем-то, зачастую анонимом, произведенное и полностью без задержки готовое к употреблению. Нас не собираются обогащать смыслами, нас потчуют их редуцированными фрагментами — собственно информацией. Склоняют к тому, чтобы не порождать и не синтезировать, а комбинировать подброшенные заготовки. Намеренно урезаются даже возможности аналитики: способность к различению одного и другого, тем более существенного различия (истины и лжи, информации и дезинформации), явно или неявно затушевывается, в фокусе внимания — лишь способность к делению конгломерации (уже не целостности) на составляющие, которым придается статус фрактала.

Впрочем, и безотносительно к способу производства материала в процессе трансляции цифровые каналы вносят искажение в его содержание, включая весь объем видео- и фотоматериалов. Ради декларируемой минимизации потерь при передаче информации они используют не непрерывный, а дискретный сигнал. Подобным приемом достигается особая четкость общего контура передаваемого предмета и высокая точность в воспроизведении каждой его детали. Однако — и это как минимум — нет никаких гарантий, что попутно не происходит деформации транслируемой целостности (того, что выдается за нее) как целостности, что удастся избежать прямых содержательных потерь исходного материала и засорения его привносимыми примесями, то есть дезинформацией. Процедура ведь такова: предназначенный для передачи гештальт дробится на мельчайшие части, полученная дробность транслируется, а затем, непосредственно перед демонстрацией, подвергается сборке. В означенных промежуточных технологических пунктах искажение изначального содержания более чем вероятно. Эти две точки, препарирования и монтажа, удобны для любых манипуляций со смыслами и образами: от использования фиктивно молодящего фотошопа до отождествления в двоемыслии свободы и рабства. Цифровая копия четче оригинала. Это негативно избыточная четкость. Она, выталкивая предмет из окружающей среды, атомизирует его. Обнажая детали, она профанирует сокровенность, опрощает притягательную несокрытость до отталкивающей открытости. Человек и его истина уподобляются консервной банке.

О концептуальной деформации изображений в цифровом формате надо обязательно известить тех, кто уверяет, что без компьютерных сетей не обойтись в эпоху визуальной культуры, сменяющей, дескать, культуру вербальную. Пусть знают: их уловка не осталась сокрытой, их очередная претензия к противникам оцифровки не останется без контрвыпада. Несколько слов о самом «визуальном повороте» как противоречивом — культурном и контркультурном — акте. Философ, делающий ставку не на понятие и категорию, а на идею (она, в отличие от упомянутых логико-грамматических конкурентов, и предельно абстрактна, и предельно конкретна), никогда не усомнится в значимости зримого, пусть даже оным окажется в конце концов не выдержавший проверки осознанием мираж. При этом собственно увиденное «идейный философ» постарается отграничить и от подсмотренного, и от выставленного на всеобщее обозрение, и от назойливо демонстрируемого. Он, разумеется, не против, осторожничая и таясь, взглянуть на природную тишь и на дикого зверя, не встревоженного непрошенным посторонним, и не запретит себе сделать снимок — понимая, однако, что фотография не передаст после здесь и сейчас ощущаемых смыслов. Он не против подыграть раздевающейся женщине, догадывающейся и не возражающей, что за ней наблюдают. И категорически против того, чтобы быть приклеенным к замочной скважине. А самой большой из них в истории человечества является, по оценке Стивена Кинга, интернет. И то, что суждение известного писателя почерпнуто из этой глобальной паутины, ничуть не говорит о ее самокритике. Она всеядна и никак не способствует выработке у пользователя противостояния от дурного вкуса.

Тут же, естественно, раздаются негодующие голоса адептов цифровизации о вопиющем консерватизме подобного, подчеркнуто элитаристского, взгляда на интернет с его будто бы огромным

ресурсом для развития демократии и свободы. Не оставаясь в долгу, замечу: народоправский и эмансипирующий потенциал сетевых структур неоправданно завышен. Демократию они элементарно подставляют: легкость, с какой гении выдают шедевры, экстраполируемая на массу не очень одаренных индивидов, ведет к лавинообразному нарастанию информационного шума и хлама. «В 1999 году люди писали в *Livejournal*, что у них есть кот, в 2004-м — выкладывали фото и видео этого кота, в 2010-м они могут писать в твиттер раз в час о том, что их кот чихнул. Большинство пользователей начинают сообщать друг другу о том, что никому не нужно знать, просто потому, что у них есть такая возможность»¹. И это уже не философская интуиция, а свидетельство нейрофизиолога, баронессы Сюзан Гринфилд.

Она обращает внимание и на пагубную привычку виртуалиста к действиям, которые не имеют необратимых последствий, многократно и без труда переигрываются, а стало быть, не приучают всерьез отвечать за принятые решения. Но тогда, подхватит мысль экзистенциалист, эмансипирующие возможности интернет-пространства моментально оборачиваются невозможностью. Декларируемая свобода оказывается там легковесной, полуанонимной и безответственной перед самой собой — вовсе не свободой по меркам человеческого достоинства. Ты свободен, когда подписываешься под высказанным — фамилией, именем, отчеством. Прячущийся за псевдонимом и профанным аватаром остается рабом — подневольным обстоятельству и своего малодушия. И это, без сомнения, на руку противникам свободы (прежде всего — свободы других людей). Вдобавок интернет удобен им в плане реальной возможности перманентных провокаций и тотальной слежки (за псевдонимом и аватаром не укрыться). Ирония (жизни, наверное) в том, что надзирающие, мнящие себя самих вне контроля, попадают под тот же колпак. Многие из них и не в состоянии осознать складывающуюся ситуацию: банально не хватает мозгов. Упоительно рекламируемые сегодня инновационные технологии работают на подбор соответствующей категории управленцев: не стратегов, а тактиков-счетоводов. Доминирующий инструментарий так или иначе обуславливает, прямо и опосредованно, спектр востребованных профессиональных качеств и их социальную стратификацию.

Цифровое слабоумие (*digital dementia*) — научно удостоверяемый факт современной социальной эмпирии. Патология (пока характеризующаяся именно так, отклонением от нормы) вызвана возрастающей зависимостью людей от высокотехнологичных гаджетов, констатирует, в частности, психиатр Манфред Шпитцер. Согласно его исследованиям, недуг проявляется в общем снижении умственной работоспособности, в утрате некоторых элементарных навыков мышления, в неспособности к критической оценке фактов, в склонности к ограничению себя поверхностными знаниями (только как? — но не зачем?), в неумении ориентироваться в потоках информации, более того, в затруднениях с ориентацией во времени и пространстве, наконец, в проблемах с личностной идентификацией². Потери несет не только интеллект, но и эмоциональная сфера человека: в нем угасает способность к спонтанному проявлению чувств и сопереживанию³. Экзистенция — существование, восходящее к сущности и позволяющее той стать выразительной, — подменяется убого броским существованием имитатора имитации. Тот постоянно не в себе, потому что не может справиться с одолевающим его синдромом дефицита внимания. Как та шведская девочка с полубезумным взглядом, которая стала в 2019-м «человеком года» по версии журнала *Time*. Ей ведь, как и ее промоутерам, все равно: говорить предметно или нести бред — лишь бы на публике. Шла бы лучше в школу. Может, какой-то пацан и дернул бы ее за косички. Она сама крадет у себя свое детство.

Какая философия в состоянии помочь людям, сопротивляющимся инновационному безумию? Тут угадывается запрос на неординарный синтез. Скажем, линий К. Маркса и М. Хайдеггера. В одной, во всяком случае раннего периода, оцифрованность свойственна скорее экономическому человеку, который непременно должен быть превзойден человеком собственно социальным. Ценность другой линии — в неуклонном возвышении понимающего мышления над исчисляющим. Словом, актуален философский поиск в концептуальном поле консервативной революции.

¹ Гринфилд С.: «Ребенок, воспитанный на социальных сетях, теряет способность к сопереживанию» (интервью порталу Theory&Practice). URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/3539-syuzan-grinfild-rebenok-vospitannyy-na-sotsialnykh-setyakh-teryayet-sposobnost-k-soperezivaniyu> (дата обращения: 22.12.2019).

² См.: Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. М.: АСТ, 2014. 284 с.

³ Солидаризируясь, сошлюсь на цитируемое выше интервью С. Гринфилд.